

ЭКОНОМИКА

УДК 334.012.023 (470) (09)

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ

Г.А. Черемисинов

Саратовский государственный университет
E-mail: Cheremisinov@hotmail.ru

В статье рассматриваются условия формирования современной парадигмы экономической мысли и хозяйственного механизма, адекватных специфике развития российской модели экономики.

Ключевые слова: российская экономика, духовно-нравственные основы, парадигма экономической теории.

Theoretic-Methodological and Spiritual-Moral Problems Formations of Russian Economic Model

G.A. Cheremisinov

In this article the author considers the conditions of formations of the modern paradigm of the economical theory and economic mechanism, which are suitable to the development of Russian economic model.

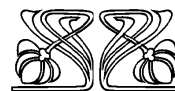
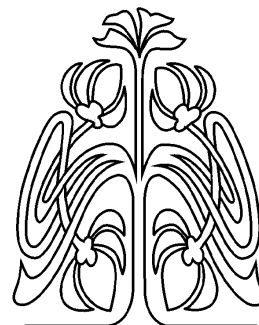
Key words: Russian economy, spiritual-moral foundations, paradigm of the economical theory.

Формирование экономики – процесс, охватывающий историю, настоящее и будущее, не только «взыскиваемое и чаемое», но и «творимое»¹. Творить новое предстоит поколению молодых, студентам, коих мы учим. Их квалификация, образ мысли во многом определяются парадигмой образования – долговременным способом мышления научного сообщества, закрепленным в учебниках и лекционных курсах.

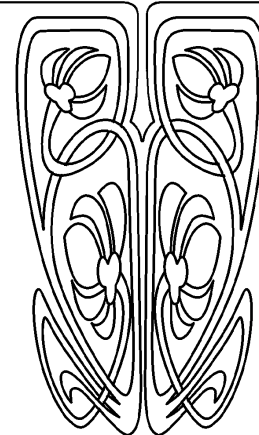
Современная парадигма отечественной высшей школы нуждается в обновлении, в усилении духовно-нравственных компонентов преподаваемых социально-гуманитарных дисциплин. Достойным решением озвученной проблемы было бы включение в вузовские образовательные программы факультативов богословских курсов.

Польза такой новации очевидна. Во-первых, студенты постигают предмет «Основы безопасности жизнедеятельности», чтобы спасти свои тела, а как душу защищать от грехов и соблазнов не ведают. Во-вторых, изучение святоотеческого наследия не менее увлекательно и востребовано, нежели концепций современного естествознания. Достаточно упомянуть и ныне актуальные слова из послания апостола Павла к ефесянам: «Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом» (Еф. 5, 18). Или призыв к единению поколений, преемственности: «Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость... И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем» (Еф. 6, 1, 4).

Переходя от светлых надежд на будущее к настоящему, следует констатировать удручающее соответствие примитивной официальной социально-экономической науки «нестроению» российской экономики. Представленные в учебниках теории хозяйственного поведения людей и организаций почти полностью сводятся к сугубо экономическим интересам, сиюминутной выгоде. Вскользь говорится о том, что эко-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

номические отношения регулируются нормами права, и совсем не упоминаются неформальные институты: культура, трудовая этика, нравственность, религиозные убеждения.

Нравственность организует сознание. «Ум, переставший созерцать Бога мыслью, становится или демоном, или скотом»². Без нравственной основы ни экономика, ни право не эффективны. Представления о грехе и добродетели предшествуют законотворчеству. Деграция нравственности ведет к разрушению законности, правовому нигилизму.

В Православной России с 1990-х гг. утвердилась неолиберальная модель экономического развития, опирающаяся на протестантскую идеологию, разрушающая наше общество. Неолиберальная политика государства снимает с себя социальные функции по поддержанию достойных условий жизни людей. А человек, оставшись наедине со своими социальными проблемами, перестает ощущать себя обязанным обществу, обязанным соблюдать общепринятые нравственные нормы и законы.

Складывается неверное общественное мнение о неизбежности выбора между духовностью и благополучием, которое имеет безнравственное происхождение, ибо приобретается только обманом, воровством, вымогательством. Поэтому достижение материального успеха требует отказа от высоких принципов и принятия правил «грязной» игры.

В обстановке развала русской цивилизации молодому поколению внушается, что оно – поколение «Мне», что превыше всего «Я», «Моё», что все покупается и продается, что нормой жизни является раскрепощение, все возрастающее удовлетворение инстинктов, получение удовольствия. Это дорога в никуда...

На формирование человека потребляющего, раба собственных примитивных и пошлых инстинктов, направлена целая индустрия, подстрекающая к презрению жизни духа, заинтересованная в изгнании культурно-нравственных ценностей из сознания людей.

Человек не может существовать без «вертикального» измерения своего бытия. Возрождению духовности обязано содействовать обновление образовательных программ. В частности, при изучении экономических дисциплин следует делать акцент на теоретико-методологическом обосновании объективной необходимости духовно-нравственных начал в экономике.

Хозяйственный механизм общества можно рассматривать как своеобразную хозяйственную парадигму: систему экономических знаний и практических навыков, образцов (примеров) поведения, стимулов и регуляторов воспроизводства, организационных форм, правовых, культурных, религиозных норм, идеологических установок. У каждого народа образуется свое сочетание частного почину и государственной регламента-

ции, идеологии индивидуализма и соборности, почитания традиций и веры в здравый смысл. Оно формирует тип работника, трудовую этику, потребности, хозяйственное право, которые придают национальные и исторические особенности экономике.

Все сферы человеческой жизни взаимосвязаны и воздействуют друг на друга. Национальная экономика каждой страны формируется под влиянием духовно-нравственных устоев ее населения. Экономические модели и соответствующие им идеологии обуславливаются религиозными воззрениями.

Духовной опорой ортодоксального либерализма служит протестантская социально-экономическая теория, эмблемой которой стали работы Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», «Протестантские секты и дух капитализма», опубликованные в начале XX века. Оригинальные труды немецкого ученого инициировали полемику, не утихающую и по сей день. Понимание и интерпретация взглядов М. Вебера предполагает их серьезное теоретико-методологическое осмысление. Прежде всего, следует выяснить, с каким «капитализмом» и с каким «духом» соотносится протестантская этика, каков характер этого соотношения.

Автор ведет речь об обусловленности «хозяйственного мышления», «этоса» (гр. *ethos* – характер, нрав, обычай, совокупность устойчивых черт индивидуального характера) данной формы хозяйства определенной религиозной направленностью. Иллюстрацией тому должна служить связь современного хозяйственного «этоса» с рациональной этикой аскетического протестантизма. Следовательно, рассматривается лишь одна сторона определенного каузального отношения³.

Соответственно исходной теоретической предпосылке выбирается методология, позволяющая установить, существует ли (и в каких пунктах) определенное «избирательное сродство» между известными формами религиозного верования и профессиональной этикой, между неприятием мира, аскезой, церковной набожностью и участием в капиталистическом предпринимательстве⁴. Исследование ведется на уровне «идеальных», а не эмпирически найденных средних типов⁵.

Утверждается, что капиталистическая форма хозяйства и «дух», в котором оно ведется, находятся в отношении «адекватности», понимаемой не номотетически, как обусловленная «законом» зависимость⁶, а идеографически, в традициях авторитарного исторического анализа. Ученый предостерегает от огрубления и упрощения его взглядов при толковании и критике, особенно в историко-экономическом аспекте. Он выступает против «нелепого доктринерского тезиса», будто «капиталистический дух» мог возникнуть *только* в результате влияния определенных сторон Реформации, будто капитализм как *хозяйственная система* является продуктом Реформации, ибо ряд

важных форм капиталистического предпринимательства значительно старше названной эпохи⁷.

Анализ влияния религиозных идей на образ жизни людей, их культуру и национальный характер не заменяет одностороннюю «материалистическую» интерпретацию каузальных связей в области культуры и истории столь же односторонней спиритуалистической каузальной интерпретацией. Оба подхода допустимы в равной степени как предварительный этап установления исторической истины⁸. Хозяйственное развитие влияет на судьбы религиозных идей. Однако религиозные идеи не могут быть просто дедуцированы из экономики. Они являются важными пластичными элементами «национального характера», полностью сохраняющими автономность своей внутренней закономерности и свою значимость в качестве движущей силы⁹.

Немецкий социолог стремился «установить лишь следующее: играло ли *также* и религиозное влияние – и в какой степени – определенную роль в качественном формировании и количественной экспансии “капиталистического духа” и какие конкретные *стороны* сложившейся на капиталистической основе *культуры* восходят к этому религиозному влиянию». Он пользуется понятием «исторических констелляций» для характеристики «невероятно сложного переплетения взаимосвязей между материальным базисом, формами социальной и политической организации и духовным содержанием эпохи»¹⁰.

Опираясь на вполне корректную теоретико-методологическую постановку вопроса о развитии экономики под влиянием духовно-нравственной сферы общества, М. Вебер пытается придать статус универсально-исторической проблемы частному случаю взаимодействия в рамках европейской культуры капиталистического хозяйства и протестантской этики. Как констелляцию¹¹, с претензией на всеобщность, автор формулирует вопрос: «Какое сцепление обстоятельств привело к тому, что именно на Западе, и только здесь, возникли такие явления культуры, которые развивались – по крайней мере как мы склонны предполагать – в направлении, получившем *универсальное значение*»¹².

Западная цивилизация, по мнению теоретика, отличается рациональной организацией практически всех сфер общественной жизни. Лишь Запад знает рациональную и систематическую, то есть профессиональную, научную деятельность специалистов-ученых, господствующих в данной культуре специалистов-чиновников – опору современного западного государства и западной экономики¹³. Государство как политический институт с рационально разработанным правом и ориентированным на рационально сформулированные правила и законы управлением чиновников-специалистов известно только Западу¹⁴.

В социально-экономических концептуальных построениях ученого государство играет исклю-

чительную роль «компенсатора» и «противовеса», который дополняет и уравнивает крайний индивидуализм деятельности отдельных граждан. Примечательна характеристика государства в работе М. Вебера с истинно протестантским названием «Политика как призвание и профессия»: «Современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей, а всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим по собственному произволу, экспроприировал и сам занял вместо них самые высшие позиции»¹⁵. «Нормальный протестантизм» абсолютно легитимировал государство, т.е. средство насилия, как божественное учреждение¹⁶.

Политика и господство рассматриваются как предприятия, требующие постоянного управления, а государство – как крупнейший предприниматель¹⁷. Поэтому констатируется тенденция к бюрократизации государственного управления. Немецкий социолог пишет о превращении «современного чиновничества в совокупность трудящихся, высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мещанства, а это бы ставило под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства, особенно с возрастанием социализации, постоянно усиливалось и будет усиливаться впредь»¹⁸.

«Рационально» определяется и самый могучий фактор нашей современной жизни – капитализм. Он «безусловно тождествен стремлению к наживе в рамках непрерывно действующего рационального капиталистического предприятия, к непрерывно возрождающейся прибыли, к рентабельности»¹⁹. Капиталистическое предприятие предполагает рациональную организацию формально свободного труда, ведение бухгалтерского учета²⁰. Из всего многообразия типов капитализма – авантюристического, торгового, ориентированного на войну, политику, управление и связанные с ними возможности наживы – «идеальным» считается промышленный, рационально организованный капитализм²¹. Следовательно, вопрос сводится к тому, чтобы определить своеобразие западного рационализма и объяснить его развитие²².

Рассуждения М. Вебера нередко строятся на довольно странной игре понятиями «рациональное» – «иррациональное». Так, он пишет, что надлежит выяснить, какой дух породил ту конкретную форму «рационального» мышления и «рациональной» жизни, из которой выросли

идея «призвания» и та – столь иррациональная с точки зрения чисто эвдемонистических интересов отдельной личности – способность полностью отдаваться деятельности в рамках своей профессии, которая является одной из характернейших черт нашей капиталистической культуры²³.

Объяснение «духа капитализма» представлено серией фрагментов, из которых наиболее обобщающим оказывается определение высшего блага этики. Оно заключается во все большей наживе при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами, от всех эвдемонистических или гедонистических моментов. Эта нажива мыслится как самоцель, становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к «счастью» или «пользе» отдельного человека. Не приобретательство служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование человека направлено на приобретательство²⁴. Единственная цель жизни капиталистического предпринимателя, его призвание – накопление материальных благ, стремление к тому, чтоб сойти в могилу обремененным деньгами и имуществом²⁵.

По разумению теоретика, необходимое капитализму отношение к труду как к самоцели, «призванию» складывается вследствие аскетического протестантского религиозного воспитания. Автор доказывает, что во всех протестантских течениях, деноминациях, «состояние религиозной избранности» воспринималось как сословное качество (status), которое ограждает человека от скверны рукотворного мира и утверждается посредством специфического поведения. На этой основе у отдельного человека возникает импульс к методическому контролю своего поведения и к аскетическому, ориентированному на божественную волю и потустороннее блаженство, рациональному преобразованию всего существования. Названная рационализация жизни в миру – следствие концепции профессионального призвания аскетического протестантизма²⁶.

Анализируемое религиозное обоснование предпринимательской этики помогает лучше понять современную идеологию индивидуализма – либерализм. Исходным протестантским догматом считается учение об избранности к спасению, о предопределении²⁷. Согласно «двойному декрету», избранные предназначены к спасению, отверженные к гибели; часть людей предопределена к блаженству, остальные же прокляты навек²⁸.

Поскольку решения Бога изначально и неподвержены изменению, постольку божественное милосердие не может быть утеряно теми, кому оно дано, и недостижимо для тех, кто его лишен²⁹. «Духовная аристократия святых в миру» отделена от остальных, от века предопределенных к гибели людей. Непреодолимая пропасть глубоко врезалась во все сферы социальной жизни, ибо божественная милость, дарованная избранным «святым», требует не снисходительности к греш-

нику и готовности помочь ближнему своему в сознании собственной слабости, а ненависти и презрения к нему как врагу Господню, отмеченному клеймом вечного осуждения³⁰.

Патетически бесчеловечное учение порождает ощущение неслыханного внутреннего одиночества отдельного индивида. В решающей жизненной проблеме – вечном блаженстве – он обречен одиноко брести своим путем навстречу предначертанной ему судьбе. Никто не может ему помочь. Эта отъединенность является одним из корней лишенного каких-либо иллюзий пессимистически окрашенного индивидуализма, наблюдаемого в «национальном характере» и в институтах народов с пуританским прошлым³¹.

Образование аскетических общин и сект с их толкованием заповеди повиноваться более Богу, чем людям, было одной из важнейших предпосылок современного «индивидуализма». Любовь к ближнему, мыслимая только как служение Богу, а не твари, находит свое выражение в выполнении профессионального долга, обретает безличный характер деятельности, направленной на рациональное преобразование окружающего нас социального космоса³².

Наилучшим средством для обретения внутренней уверенности в спасении служит неутомимая деятельность в рамках своей профессии. Она дает уверенность в своем избрании, ощущение, что человек является орудием Бога и осуществляет его провиденциальные веления. Утилитаризм протестантской этики обуславливает политический и экономический рационализм кальвинистов, их жесткий, формальный и активный характер, адекватный буржуазно-капиталистическому предпринимательству³³.

От религиозного обоснования пуританской идеи профессионального призвания М. Вебер переходит к изучению ее влияния в сфере предпринимательской деятельности, к исследованию соотношения мирской аскезы и капиталистического духа. В таком аспекте интересно сопоставить взгляды немецкого социолога с воззрениями Адама Смита, представленными в знаменитом «Исследовании о природе и причинах богатства народов». Для сравнительного подхода достаточно оснований.

Исследование взаимосвязи протестантской аскезы и духа капитализма М. Вебер проводит на примере опыта Англии, цитируя слова Монтеスキё о том, что англичане превзошли все народы мира в трех весьма существенных вещах – в набожности, торговле и свободе³⁴, предполагает, что наиболее последовательное обоснование идеи профессионального призвания дает выросший на почве кальвинизма английский пуританизм³⁵.

Принадлежность шотландца А. Смита к когорте английской социально-экономической мысли обуславливает соответствие его идей кальвинистским традициям. Так, излагая проблему финансирования учреждений для религиозного

обучения, он критикует римско-католическое духовенство, дает краткий исторический очерк реформации, отмечает, что религиозные секты зарождались среди простого народа и усваивали систему строгой нравственности³⁶. О набожности приверженца свободной торговли можно судить по восхвалению им официальной шотландской пресвитерианской церкви, сформировавшейся на основе кальвинистского учения³⁷.

Влияние пуританской этики на дух капитализма М. Вебер объясняет, затрагивая проблемы труда, профессионального призвания, капиталистического предпринимательства, сбережения и накопления капитала, рабочей силы и заработной платы. Иногда «сугубо протестантскими» оказываются лишь нюансы, степень осознания и реализации этических норм. В заслугу пуританизму ставится страстная проповедь упорного труда – поставленной Богом цели всей жизни, а нежелание работать порицается как симптом отсутствия благодати³⁸.

Изречение Кальвина, что народ (рабочие и ремесленники) послушен воле Божьей лишь до той поры, пока беден, было секуляризировано в положение, что люди работают лишь, когда их заставляет нужда, и вошло компонентом в теорию «производительности» низкой зарплаты, став «лейтмотивом» капиталистического хозяйства³⁹.

Аскетическая литература *всех* вероисповеданий исходит из представления, что добросовестная работа, даже при низкой ее оплате, является делом, чрезвычайно угодным Богу. В *этом* отношении протестантская аскеза не создала ничего нового. Она «бесконечно углубила» это предоставление и добавила к нему лишь отношение к работе как к призванию, к единственному средству увериться в своем избранничестве. Легализовала эксплуатацию специфической склонности к труду, объявив «призванием» и стремление приобретающего к наживе⁴⁰.

Богатство порицается, если оно таит в себе искушение предаться лени, бездеятельности и грешным мирским наслаждениям, а стремление к богатству, – если оно вызвано надеждой на беззаботную и веселую жизнь. В качестве же следствия выполнения профессионального долга богатство морально не только оправдано, но даже предписано⁴¹.

Так возник специфически буржуазный профессиональный этос. В обладании милостью Божьей и Божьим благословением буржуазный предприниматель, не преступая границ формальной корректности, обязан был соблюдать свои деловые интересы – максимизировать прибыль собственного предприятия. К тому же религиозная аскеза предоставляла в его распоряжение трезвых, добросовестных, чрезвычайно трудолюбивых наемных рабочих, рассматривавших свою деятельность как угодную Богу цель жизни. Аскеза создавала спокойную уверенность в том, что неравное распределение земных благ, так же, как

и предназначение к спасению немногих, – дело божественного провидения, преследующего тем самым свои тайные, нам не известные цели⁴². Немецкий ученый по-своему расставляет акценты, связывая с пуританизмом дальнейшее утверждение провиденциального толкования экономического космоса, известного уже схоластам.

Мирская аскеза протестантизма принуждала к бережливости, стремилась сократить потребление, особенно когда оно превращалось в излишества, требовала от состоятельных людей отказа от наслаждения богатством и употребления его в практически полезных целях. Ограничение потребления в сочетании со стремлением к наживе, к прибыли имело объективным результатом накопление и производительное инвестирование капитала⁴³.

Во многом прав М. Вебер, утверждая, что пуританизм способствовал установлению буржуазного, рационального с экономической точки зрения, образа жизни, стоял у колыбели современного «экономического человека»⁴⁴. Это еще одна точка соприкосновения взглядов немецкого социолога и английского экономиста. Не случайно в «Протестантской этике» М. Вебера присутствуют две прямые ссылки на первые две главы «Богатства народов» А. Смита.

Обстоятельно разбирая «компендиумы» пресвитерианского священника Ричарда Бакстера, немецкий общественник указывает на близость его взглядов «с известным апофеозом разделения труда» в первой, одноименной главе незабвенного труда А. Смита, отмечая, что в соответствии с провиденциальной целью разделение по профессиям – специализация – способствует повышению производительности труда, служит общему благу⁴⁵.

Выдержка из издания британской баптистской деноминации квакеров, в которой еда, питье и приобретение относятся к естественным, а не духовным актам⁴⁶, помогает понять, почему А. Смит считает естественной, присущей человеческой природе, склонность к торговле, к обмену одного предмета на другой, следствием чего и является разделение труда⁴⁷. По разумению экономиста, каждый человек живет обменом или становится в известной мере торговцем, а само общество превращается, так сказать, в торговый союз⁴⁸.

С таких позиций можно называть страну «нацией лавочников»⁴⁹, говорить о «духе лавочников»⁵⁰, которым, несомненно, проникнуты протестантское мировоззрение и экономическая теория А. Смита. Социальные слои мелкой и средней, в том числе торговой буржуазии были носителями «духа капитализма», ибо их профессиональный выбор соответствовал пуританским критериям полезности, угодности Богу: нравственности, важности производимых благ для общества, доходности⁵¹. Привычка к порядку, бережливости и вниманию, которую воспитывает в купце занятие торговлей, делает его способным к осуществлению с прибылью и успехом любого проекта⁵².

Мелкобуржуазная протестантская этика определяет поведение «экономического человека» в концептуальных построениях теории А. Смита, о чем свидетельствует его знаменитое обоснование общественной пользы и рациональности индивидуализма: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах»⁵³. Именно эту цитату М. Вебер использует для сравнительной характеристики умеренного реформаторства Лютера с более радикальным учением кальвинистов⁵⁴.

Протестантская этическая основа отчетливо видна в самом известном, встречающемся почти в каждом учебнике экономической теории высказывании А. Смита о «невидимой руке», управляющей поведением хозяйствующих субъектов. Автор констатирует, что каждый отдельный человек «не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он содействует ей. Предпочитая оказать поддержку отечественной промышленности, а не иностранной, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, а направляя эту промышленность таким образом, чтобы ее продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем не входила в его намерения. Преследуя собственные интересы, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это»⁵⁵.

Книгу III Богатства народов «О природе капитала, его накоплении и применении» можно считать теоретическим обоснованием хозяйственной этики пуританизма. Стиль изложения научного материала напоминает проповедь. А. Смит говорит, что капиталы возрастают в результате бережливости и уменьшаются вследствие мотовства и неблагоразумия, что непосредственной причиной возрастания капитала является бережливость, а не трудолюбие. Что бы ни создавало трудолюбие, капитал никогда не мог бы возрастать, если бы бережливость не сберегала и не накапливала⁵⁶. Каждый расточитель оказывается врагом общественного блага, а всякий бережливый человек – общественным благодетелем⁵⁷.

Там, где преобладает капитал, господствует трудолюбие, где преобладает доход, там господствует праздность. Поэтому всякое увеличение или уменьшение капитала, естественно, ведет к увеличению или уменьшению промышленной деятельности, количества производительных рабочих, а следовательно, и меновой стоимости годового продукта земли и труда страны, реального богатства и дохода ее жителей⁵⁸. В торговых и промышленных городах, где низшие слои народа существуют благодаря приложению капитала, они по общему правилу трудолюбивы, трезвы и

бережливы, как это наблюдается во многих английских и в большинстве шотландских городов⁵⁹.

Общность идей А. Смита и М. Вебера подтверждает их негативная оценка монопольных привилегий в хозяйственной деятельности. Немецкий теоретик писал о том, что пуританские секты выступали против союза церкви и государства с «монополистами» на почве христианского социализма, против пользовавшегося государственными привилегиями капитализма торговцев, скупщиков и колониалистов, противопоставляя им индивидуалистические импульсы рационального легального предпринимательства, основанного на личных качествах, на инициативе⁶⁰. Он отмечал, что характерная для Англии XVII в. антимонополистическая направленность общественного мнения исторически сложилась из сочетания политической борьбы против королевской власти с этическими мотивами пуританского учения и с экономическими интересами мелкой и средней буржуазии, враждебной финансовым магнатам⁶¹.

«Антимонопольная проповедь» английского экономиста звучала не менее страстно, чем восхваление трудолюбия, бережливости, стремления к наживе. Монопольная торговля – это «мертвый груз в работе одной из великих пружин, приводящих в движение значительную часть хозяйственной деятельности человечества», это помеха, которая ради предполагаемой выгоды отдельной страны суживает потребности и задерживает развитие промышленности всех других стран⁶².

В угоду «мелочным» интересам одного многочисленного класса монополия понижает доход жителей страны сравнительно с его естественными размерами и их способность к накоплению капитала, препятствует содержанию большего количества производительного труда⁶³.

Кроме того, высокая норма прибыли уничтожает естественную для купца бережливость. Трезвая пуританская добродетель представляется купцу уже излишней, а расточительная роскошь кажется соответствующей улучшению его положения. Обладатели больших торговых капиталов необходимо становятся вождями и руководителями всей промышленной деятельности страны, и их пример оказывает гораздо большее влияние на нравы всей трудящейся массы, чем пример какого-либо иного класса. Это препятствует накоплению в руках тех, кто больше всех расположен к накоплению⁶⁴.

Проведенный, далеко не полный, сравнительный анализ дает повод к критическому переосмыслению использования научного творчества А. Смита в качестве теоретико-методологической основы универсальной модели рыночного и капиталистического хозяйства. Характеристика экономического поведения хозяйствующих субъектов в «духе» протестантской этики едва ли может претендовать на всеобщность, на адекватное отражение хозяйственной этики людей других религиозных убеждений. Формулирование

и формирование экономических моделей должно учитывать национальную специфику даже при наличии родственных конфессиональных предпочтений.

Об этом писал С.Ю. Витте в своей работе «Национальная экономия и Фридрих Лист», сопоставляя экономические теории и хозяйственные системы двух протестантских стран – лютеранской Германии и кальвинистской Англии. Российский политический деятель и экономист считал, что А. Смит был одним из создателей «не политической, а космополитической экономии». Основатели этой науки имели в виду все человечество, а не нацию, исходя из гипотезы, что нации всего земного шара составляют одно общество, и ко всем странам надо применять одну и ту же неизменную доктрину⁶⁵. Стало быть, западная либерально-протестантская экономическая теория изначально формировалась с прицелом на глобальное господство.

Последователи творцов упустили из виду это обстоятельство и начали проповедовать космополитические аксиомы как непреложные законы для национального общежития. Между тем факты и сама жизнь шли вразрез с этими законами, следствием чего явилось тупое доктринерское отрицание всех национальных потребностей, которые не согласуются с принципами творцов политической экономии⁶⁶.

Не потеряли актуальности слова, сказанные еще в 1889 г.: «Наши экономисты возымили мысль кроить экономическую жизнь Российской империи по рецептам космополитической экономии. Отдельным голосам, восставшим против такого сумасбродства, наши проповедники, облекшись в тогу попугайской учености, возражали теоремами из учебников политической экономии. Несомненно, что такой способ доказательства в глазах толпы имел и имеет значительную убедительность. Толпа верит и не может не верить в теоремы политической экономии по их букве, а не по разуму. <...> Чтение национальной экономии в наших высших учебных заведениях, как прикладной части политической экономии, могло бы принести громадную пользу»⁶⁷.

Примерно в то же время, на рубеже XIX – XX вв., интенсивной разработкой социально-экономического богословия занялись католические теологи. Ими была создана богословская экономическая концепция, получившая катехизическое значение. Современная социальная доктрина Католической церкви исходным пунктом экономического развития признает модель социального рыночного хозяйства.

Краткий, но содержательный очерк важнейших социально-экономических положений католической догматики представил В.В. Симонов (игумен Филипп) в своем фундаментальном труде «Церковь – общество – хозяйство». По мнению православного ученого, эклектичность концептуальных основ католической социальной доктрины,

соединяющей неолиберальные, неокейнсианские и, отчасти, западные неосоциалистические идеи, весьма затрудняет ее критическое восприятие, а оно необходимо, ибо рациональность постижения идей логична для христианского богословия⁶⁸.

Наиболее значимы в указанном критическом богословском обзоре следующие моменты. Экономико-философские и экономико-теологические положения католической концепции формулируются в рамках христианских ценностей. Определение зачастую дается через отрицание или антиномию. Так, перед изложением позитивного идеала социально-экономического развития перечисляются его недопустимые формы: система, в которой социальные связи обусловливаются исключительно экономическими факторами, противоречит природе человеческой личности и ее деятельности; система, которая подчиняет основополагающие права индивидов и групп коллективной организации производства, противоречит человеческому достоинству; теория, которая ставит прибыль в положение исключительной нормы и конечной цели экономической активности, морально неприемлема, поскольку беспорядочная жажда денег является одной из причин конфликтов, разрушающих социальный порядок; любая практика, которая рассматривает личность лишь как средство получения прибыли, порабощает человека, ведет к изоляции и содействует распространению атеизма; регулирование экономики только посредством централизованного планирования извращает базис социальных связей; регулирование экономики только законами рынка искажает социальную справедливость⁶⁹.

Целевые характеристики описываются проблемно. Экономическое процветание не представляет для Церкви само по себе ни добра, ни зла; важно то, как оно используется. Экономика – не единственная и не высшая цель, выше нее стоят достоинство и свобода человека, брак и семья, религия и нравственность, культурные ценности, сам Бог. Целью экономической активности является не непрерывно растущее снабжение материальными благами, а служение общечеловеческим, социальным ценностям. Инициатор, центр и цель экономики – человек, поведение которого должно соответствовать религиозным устоям.

Экономика, рассматриваемая как сфера культуры, не может быть абстрактной, оторванной от человека и его совести. Всякое хозяйствование – это человеческое решение, и тем самым оно подчиняется законам нравственности. Христианская этика – не область, но заповедь экономики⁷⁰.

Оценка трудовой деятельности человека в католическом богословии разворачивается на основе общих христианских ценностей. Труд воспринимается как «сорботничество» Богу, в смысле познания Творения и соучастия в нем, как общественное служение, как основа распределения экономических результатов труда. Трудовая

деятельность задает ритм досугу, выделяет воскресный день, посвященный Господу.

Конкретизация исходных положений доктрины происходит в направлении констатации и обоснования существующей неолиберальной модели социального рыночного хозяйства, которая признает главную и положительную роль предпринимательства, рынка, частной собственности и ответственности за средства производства, свободную творческую деятельность человека в секторе экономики. Предполагается разумное регулирование посредством законов рынка в сочетании с экономической инициативой, подкрепленной истинной иерархией ценностей и направленной на общее благо, полную занятость, стабильные цены, экономический рост и внешне-торговый баланс⁷¹.

Осмысление трудовых отношений между субъектами экономики, в том числе и по поводу собственности, опирается на складывающуюся западноевропейскую хозяйственную практику, со всеми ее противоречиями. С одной стороны, утверждается, что собственность на земные блага не может принадлежать каким-либо определенным людям, ее Бог дал всему человечеству как одной семье, чтобы заботиться о ней, владеть ей в процессе труда и пользоваться ее плодами на основе естественного права. Поэтому собственность трактуется только как владение во взаимоотношениях между индивидами и между государствами. С другой стороны, частная собственность признается явлением вечным, заложенным в самой природе вещей, естественно-правовым, данным человеку природой и самим Создателем для обеспечения надежности его жизни, гарантии свободы и человеческого достоинства, удовлетворения потребностей⁷².

Католические богословы отмечают, что в современную эпоху частная собственность утрачивает функцию побуждения и усиления собственной инициативы и личной ответственности; перестает быть основой экономической обеспеченности наемных работников, возлагающих свои надежды на зарплату и систему социального страхования; не соотносится в очень широких сферах экономики с властью распоряжения и ответственности (в том числе, и в результате «революции управляющих»); приобретает «общественную власть» принуждения работников к зависимости от капитала⁷³.

В области трудовых отношений надобно руководствоваться идеей обеспечения на собственную ответственность условий жизни для себя и членов своей семьи, а также идеей социального партнерства при капиталистическом способе производства. Предполагается участие наемных работников в процессе образования капитала через «диффузию или дисперсию собственности» путем покупки ими акций. Решение социально-экономических проблем достигается при помощи всех форм солидарности: бедных друг с другом, богатых и бедных, рабочих в своей среде, наемных

рабочих и нанимателей в бизнесе. Предлагается идея создания «экономики экономии» вместо «экономики потребления», хотя рабочий рассматривается именно как потребитель, а не как производитель благ⁷⁴.

Новая экономическая парадигма морально-нравственно оправдывает ссудный процент. Признавая прибыль («в смысле разумного эгоизма») критерием экономической эффективности производства, католическая социальная доктрина призывает при оценке эффективности предприятий принимать в расчет морально-этические соображения – сохранение человеческого достоинства в системе управления и подчинения. Предпринимательская прибыль должна быть облагорожена осознанием служения всему обществу. Впрочем, монопольная прибыль безоговорочно осуждается⁷⁵.

Роль государства в современной экономике определяется функциями установления правового режима экономических отношений, защиты собственности, перераспределения доходов, поддержания благосостояния и нематериального благополучия – социальной справедливости, построенного на нравственных ценностях образования, высокоразвитой культуры и науки, образцового здравоохранения, соблюдения свободы совести и религиозной свободы.

Особого внимания заслуживает проблема глобализации, когда усиление экономических взаимосвязей охватывает весь мир, сопровождается отчуждением человека, обострением противоречий между техническим и этическим развитием. Одной из главных задач католическое богословие считает преодоление нарастающего безбожия; изначально противопоставляют человека Богу, а потом, замечают, что человек сам по себе нечеловечен, он не может удержать самого себя. Атеистический гуманизм есть драма с плохим концом⁷⁶.

Завершая очерк католической социально-экономической доктрины, автор пишет: «Трудно удержаться от мысли о том, что во многих случаях она попросту предполагает, что читатель должен на веру принять то, что подлежит радикальной проверке доводами разума. Доводы же эти очень часто свидетельствуют, что перспективы и возможности практической реализации предлагаемой модели (а любая модель ценна именно своим практическим потенциалом, без него она – лишь набор более или менее удовлетворительных лозунгов и берущих за душу красивых фраз) могут быть поставлены под весьма серьезное сомнение»⁷⁷.

Социально-экономические реформы в России, стартовавшие в 90-х гг. прошлого века, вынужденно поднимают проблемы их духовно-нравственных координат. Католические доктрины пока не годятся, поскольку финансирование социальных проектов российскими властями ведется по остаточному принципу, а отечественное хозяйство, пожалуй, рыночное, но едва ли социальное.

Приверженность российской политико-экономической элиты ценностям неолиберальной модели хозяйствования предполагает восприятие ею «благодати» духа протестантизма. Однако протестантская этика, да и то лишь отчасти, может тешить гордыню представителей сословия «новых русских». Чиновная же бюрократия вряд ли захочет соответствовать идеалу протестантской веберовской бюрократии, заботящейся о соблюдении законности и общем благе, трудолюбивой, умной, честной, предприимчивой, но неподкупной.

А как быть с подавляющим большинством населения, воспитанного в духе Православия или же в духе других традиционных конфессий нашего Отечества? Ответ на вопрос очевиден. Навязывание России неолиберальной модели развития возможно только посредством отказа от ее национально-культурной самоидентичности, от религиозно-нравственных устоев жизни ее народа.

Серьезное исследование духовно-нравственных основ хозяйственной деятельности ставит теоретико-методологический вопрос о границах применения концепции М. Вебера, причем с учетом его собственного мнения. Аргументированной критике подверг воззрения немецкого ученого историк Фернан Бродель, который отрицательно ответил на вопросы: равнозначно ли пуританство капитализму и равнозначен ли разуму капитализм?

По мнению французского ученого, «идеалистическое» объяснение появления современного капитализма духом наживы или экономии, рассудком либо вкусом к рассчитанному риску, делающее из капитализма воплощение определенного типа мышления – это увертка от признания марксистской теории⁷⁸. Существовало несколько рациональностей внутри единой экономики: рациональность свободной конкуренции и рациональность монополии, спекуляции и могущества⁷⁹.

Крупные «купец» былых времен никогда не специализировались, а без различия занимались одновременно торговлей, банковским делом, финансами, биржевой спекуляцией, промышленным производством. Спектр торговой, промышленной, банковской деятельности, т.е. сосуществование нескольких форм капитализма, развертывался в католической Флоренции уже в XIII в.⁸⁰

Более высокий уровень экономического развития позволил Южной Европе осуществлять в эпоху Средневековья колонизацию, просвещение, освоение, строительство городов по всей «дикой» Северной Европе, которую старый латинский мир, церковь Рима, распекали, поучали, эксплуатировали. Реформация означала конец южноевропейской колонизации. Сплотившиеся североевропейские страны одержали верх над конкурентами из блистательной средиземноморской экономики, которую уже на протяжении веков обживал капитализм. Примерно к 90-м гг. XVI в. вся Европа склонилась к протестантскому Северу, и он с

этого времени оказался в привилегированном положении⁸¹. Победа менее требовательных протестантских предпринимателей объясняется, прежде всего материальными причинами, связанными с конкурентоспособными издержками, низкой заработной платой, дешевыми перевозками, дешевыми товарами, ставшей непревзойденной промышленностью⁸².

Признавая обоснованность критических и альтернативных суждений Ф. Броделя, следует привести доводы в защиту концептуальной схемы М. Вебера. Немецкий ученый сам очерчивал границы своей теории. Прежде всего, он рассматривал зарождение промышленного капитализма в протестантских странах, оставляя в стороне иные формы капиталистического предпринимательства. Среди многообразия «духовных» мотивов капиталистического хозяйства исследовалось лишь воздействие пуританской аскетической этики, да и то на примере одной Англии. Полноценными носителями «духа капитализма» признавались только представители мелкой и средней буржуазии. Наконец, исторические рамки взаимодействия протестантской этики и духа капитализма охватывали период от начала Реформации в XVI в. до установления господства механического машинного производства в первые десятилетия XIX в.

Научное творчество А. Смита – экономиста эпохи мануфактур – пришлось на то время, когда расцвет чисто религиозного энтузиазма был уже позади, когда корни религиозного чувства постепенно отмирали, уступая место утилитарной посясторонности. В это время «Робинзон Крузо», изолированный от мира экономический человек, занимающийся отчасти и миссионерством, вытеснил в народной фантазии «пилигрима», одинокого человека, все усилия которого были направлены на то, чтобы поскорее миновать «ярмарку тщеславия» в поисках царства Божьего⁸³.

М. Вебер признавал, что не только до и после, но во время изучаемой им исторической эпохи существовали другие виды капитализма со своими духовно-нравственными принципами. Безудержное, свободное от этических норм приобретательство имело место на протяжении всего исторического развития повсюду, где для него складывались благоприятные условия. Подобная войне или морскому разбою, свободная торговля, не связанная какими-либо нормами по отношению к людям, не встречала никаких препятствий. «Внешняя мораль» позволяла за пределами общности то, что строго порицалось в отношениях между «братьями». Абсолютная и вполне сознательная бесцеремонность в погоне за наживой часто сочеталась с самой строгой верностью традициям⁸⁴.

Представители такого рода предпринимательства – капиталистические авантюристы – существовали во всем мире во все времена. Их шансы на успех (вне торговых, кредитных и банковских операций) либо имели чисто иррационально-

спекулятивный характер, либо были ориентированы на насилие, прежде всего, на добычу; эта добыча могла извлекаться непосредственно в ходе военных действий или посредством длительной фискальной эксплуатации государственных подданных⁸⁵.

Автор искал аргументы, подтверждающие истинность его теоретических положений, понимая, что «титаны в области экономики», «капитаны индустрии» всегда стояли и стоят по «ту сторону добра и зла», вне нравственно-религиозных норм и традиций. Как бы велико ни было их значение в хозяйственной жизни страны, и какие бы преобразования в этой области они не совершили, по его разумению, не они определяют, какой хозяйственный дух господствует в ту или иную эпоху, в той или иной области. И не они были творцами или носителями специфически западного *буржуазного* «духа»⁸⁶.

По мере того как аскеза начала преобразовывать мир внешние мирские блага все сильнее подчиняли себе людей и завоевали, наконец, такую власть, которой не знала вся предшествующая история человечества. В настоящее время дух протестантской аскезы ушел из этой мирской оболочки. Победивший капитализм не нуждается более в подобной опоре с тех пор, как он покоится на механической основе фабричного машинного производства. И лишь представление о «профессиональном долге» бродит по миру, как призрак прежних религиозных идей. Стремление к наживе, лишенное своего религиозно-этического содержания, принимает там, где оно достигает своей наивысшей свободы, характер безудержной страсти, подчас близкой к спортивной⁸⁷.

Стало быть, не совсем корректно оценивать развитие современного капитализма с позиций теории М. Вебера. Нынешний либерализм избирательно воспринимает устои протестантской этики. Неолиберальная доктрина, навязываемая Западом остальным странам мира, опирается на учение об избранности к спасению части людей, социальных групп и государств, о предопределении остальных к проклятию и гибели, на легитимность применения любых форм насилия, в отношении «отверженных». Сочетание крайнего индивидуализма с культивированием все возрастающего потребления и страстью к обогащению провоцирует поляризацию социальной структуры общества, десоциализацию граждан.

Происходит подмена индивидуализма протестантской этики отрицанием религиозных ценностей вообще. Когда религия объявляется частным делом, то следование нравственным нормам оказывается необязательным. Наш современный лексикон определяет подобное состояние как «беспредел». Есть и научный термин «агрессивный секуляризм» – «расцерковление».

Стало быть, формируемая в России модель хозяйствования атеистична, асоциальна, не патриотична и полностью соответствует политике

глобализации, проводимой в интересах наиболее развитых стран мира. Организатором и главным исполнителем глобализации выступают США и ТНК (транснациональные корпорации). Они внедряют ценности выгодной им псевдоуниверсальной геокультуры, в которой нет места национальным культурам и цивилизационным особенностям других государств, религиозно-нравственным ценностям. Очищенная от остатков протестантизма (который все-таки воздает должное трудовой этике), неолиберальная идеология вбивает в массовое сознание идеал человека-потребителя, создает культуру примитивного, стандартного, ненасытного потребления, обеспечивает загрузку производственных мощностей, сбыт продукции и получение прибылей крупнейших ТНК.

Высшей ценностью глобальной геокультуры являются финансовые ресурсы, ради которых устанавливается универсальный мировой порядок, втягивающий в единое экономическое пространство все население планеты. Не случайно современный глобализм даже в светских научных кругах определяют как «люциферизм» или сатанизм⁸⁸.

При всей серьезности вызова глобализации нет повода для драматизирования нынешней ситуации. Исторический опыт свидетельствует, что попытки создания мировых империй разбивались о цивилизационные основы народной жизни. Россия – государство глобального масштаба, и вся ее история – это история взаимодействия цивилизаций, начиная с крещения Древней Руси, восприятия православной культуры Византии.

К сожалению, история Византии, в том числе экономическая, не изучается ни в школе, ни в вузах при подготовке студентов по экономическим специальностям. Обращение к корням собственной культурной традиции и к истокам включения Руси в международное разделение труда будет лучшей отповедью пропаганде нашей ущербности и неизбежности глобализации с ее антикультурным диктатом. Древняя Русь была не менее культурна и экономически развита, нежели раннесредневековая Центральная и Западная Европа.

Мы с благодарностью вспоминаем ныне «учителей словенских» Мефодия и Кирилла, заложивших основы славянской письменности и традиций православной культуры. Языковые особенности богослужения – католического на латинском языке, православного на греческом и церковно-славянском языках – оказались одной из важнейших причин возникновения и развития цивилизационных различий между Восточной и Западной Европой.

Если экономическая история России, при наличии множества общих черт со странами западноевропейской цивилизации, имеет также немало специфических моментов, то это лишь подтверждает, что мы развиваемся в рамках собственной модели экономики, которую можно и должно совершенствовать.

Особую значимость приобретают усилия церкви по возвращению христианских ценностей в хозяйственную деятельность граждан, коммерческих и некоммерческих организаций, государственной власти. Добрым знаменем стала активная работа Русской православной церкви по формированию социально-экономических концепций и принятию общественно значимых документов.

Архиерейским собором Русской православной церкви были приняты в 2000 г. «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», в 2008 г., «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека». В этих документах среди прочего провозглашаются ценности, отличные от традиций западноевропейской цивилизации, прежде всего от протестантской либеральной идеологии. Так, «Основы учения Русской Православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека» кроме свободы выбора, утверждают свободу от греха. Общественное устройство должно ориентироваться на обе свободы, гармонизируя их реализацию в публичной сфере⁸⁹.

В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» содержатся положения, общие всем христианским конфессиям, и высказывания, передающие особую позицию Русской православной церкви по заявленным проблемам. Разделы, посвященные «вечным» отношениям, – «Труд и его плоды», «Собственность», соседствуют с разделами «Церковь и проблемы экологии», «Международные отношения. Проблемы глобализации и секуляризма», затрагивающими злободневную социально-экономическую проблематику⁹⁰.

По мнению специалиста, в разделах о труде и собственности православная теология находится на рубеже, обозначенном еще в начале XX в. богословием свт. Владимира (Богоявленского), «балансирует на грани святоотеческой традиции и политико-экономических построений “серебряного века” российской общественной мысли»⁹¹. Поэтому необходимо формирование современного экономического богословия как самостоятельной отрасли науки.

На основе синтеза экономической теории и богословия следует создавать категориальный аппарат, включающий все основные категории экономики (труд, собственность, общественное производство, богатство, бедность, капитал, земельные отношения, государство, общество, милосердие и т.д.), которые должно воспринимать с позиций исторического генезиса, системы этических взглядов и оценивать с позиций различных отраслей богословской науки. Перед богословием стоит позитивная задача выработки граничных параметров макроэкономической модели экономического развития, нравственных оценок ее общественной эффективности⁹².

Труд, согласно «Основам социальной концепции Русской православной церкви», является органическим элементом человеческой жизни, творческим раскрытием человека, которому в силу изначального богоподобия дано быть сотворцом и соработником Господа. Однако грехопадение ослабило творческую составляющую труда, сведя его преимущественно к способу добывания жизненных средств. Освящение труда определяет его календарный ритм, свободный от повседневных занятий день Воскресения Христова.

Труд сам по себе не является безусловной ценностью, а становится таковым лишь при условии соработничества Господу и способствует исполнению Его замысла о мире и человеке. Во-первых, это труд для собственного пропитания, дабы никого не отягощать. Во-вторых, труд в благотворительных целях, чтобы подавать нуждающемуся. Благословляется всякий труд, направленный ко благу людей, вне зависимости от сферы деятельности, соответствующий нравственным нормам.

Работающий вправе пользоваться плодами своего труда, а отказ в оплате честного труда является не только преступлением против человека, но и грехом перед Богом. Церковь призывает общество к справедливому распределению продуктов труда, при котором богатый поддерживает бедного, здоровый – больного, трудоспособный – престарелого⁹³.

В трактовке отношений собственности позиция Русской православной церкви явно противопоставляется протестантскому мировоззрению, ибо в ней специально оговаривается, что имущественное положение человека само по себе не может рассматриваться как свидетельство о том, угоден или неугоден он Богу. Констатируется традиционное для отечественного богословия понимание относительности права собственности, поскольку люди получают все земные блага от Бога, которому принадлежат абсолютное право владения ими. Церковь призывает христианина воспринимать собственность как дар Божий, данный для использования во благо себе и ближним. Признается многообразие форм собственности и осуждается посягательство на нее. Отторжение и передел собственности с попранием прав законных владельцев не одобряются.

Обеспокоенность проблемами, порожденными современной цивилизацией, присутствует в разделе, посвященном экологии: «Сегодня облик Земли искажается в планетарных масштабах. Поражены недра, почва, вода, воздух, животный и растительный мир. Окружающая нас природа практически полностью вовлечена в жизнеобеспечение человека, который уже не довольствуется многообразием ее даров, но безудержно эксплуатирует целые экосистемы. Деятельность человека, достигшая масштабов, соизмеримых с биосферными процессами, постоянно возрастает благодаря ускорению темпов развития науки и

техники. Повсеместное загрязнение природной среды промышленными отходами, неправильная агротехника, уничтожение лесов и почвенного покрова приводят к подавлению биологической активности, к неуклонному свертыванию генетического многообразия жизни. Истощаются невозполнимые минеральные ресурсы недр, сокращаются запасы чистой воды. Появляется множество вредных веществ, многие из которых не включаются в естественный круговорот и накапливаются в биосфере. Экологическое равновесие нарушено; человек поставлен перед фактом возникновения необратимых пагубных процессов в природе, включая подрыв ее естественных воспроизводительных сил.

Все это происходит на фоне невиданного и неоправданного роста общественного потребления в высококоразвитых странах, где стремление к изобилию и роскоши стало нормой жизни. Такое положение создает препятствия к справедливому распределению естественных ресурсов, являющихся общечеловеческим достоянием. Последствия экологического кризиса оказались болезненными не только для природы, но и для человека, находящегося с ней в органическом единстве. В результате Земля оказалась на пороге глобальной экологической катастрофы»⁹⁴.

Православная церковь призывает к активному сотрудничеству в общественных акциях, направленных на защиту творения Божия. Вместе с тем она отмечает, что усилия такого рода будут более плодотворными, если основы, на которых строятся отношения человека с природой, станут носить не сугубо гуманистический, но и христианский характер. Одним из главных принципов позиции Церкви в вопросах экологии является принцип единства и целостности сотворенного Богом мира. Православие не рассматривает окружающую нас природу обособленно, как замкнутую структуру. Растительный, животный и человеческий миры взаимосвязаны. С христианской точки зрения природа есть неместилище ресурсов, предназначенных для эгоистического и безответственного потребления, но дом, где человек является не хозяином, а домоправителем, а также храм, где он священник, служащий, впрочем, не природе, а единому Творцу. Сама жизнь в многообразных ее проявлениях носит священный характер, являясь Божиим даром, поправление которого есть вызов, брошенный не только божественному творению, но и Самому Господу⁹⁵.

Экологические проблемы порождены человеком, а не природой. Посему ответы на многие вопросы, поставленные кризисом окружающей среды, содержатся в человеческой душе, а не в сферах экономики, биологии, технологии или политики. Природа преобразуется или погибает под воздействием человека. Его духовное состояние играет решающую роль, ибо сказывается на окружающей среде как при внешнем воздействии на нее, так и при отсутствии такого воздействия.

Взаимосвязь антропологии и экологии с предельной ясностью открывается в наши дни, когда мир переживает одновременно два кризиса: духовный и экологический. Полное преодоление экологического кризиса в условиях кризиса духовного немислимо.

Необычной для экономической науки оказывается постановка в заключительном разделе «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» вопроса о взаимодействии экономического и культурно-информационного измерений глобализации, наряду с ее политико-правовым измерением.

В экономике глобальные процессы связаны с функционированием транснациональных корпораций, сосредоточивающих значительные материальные, финансовые и трудовые ресурсы. Руководство международных экономических и финансовых структур обладает огромной властью, не подконтрольной народам и даже правительствам и не признающей никаких пределов – будь то государственные границы, этническо-культурная идентичность, традиции и религиозные устои населения, необходимость сохранения экологической и демографической стабильности.

В культурно-информационной сфере глобализация обусловлена развитием технологий, облегчающих перемещение людей и предметов, распространение и получение информации. Общества, прежде разделенные расстояниями и границами, а потому по большей части однородные, сегодня с легкостью соприкасаются и становятся поликультурными. Однако данный процесс сопровождается попыткой установления господства богатой элиты над остальными людьми, одних культур и мировоззрений над другими, что особенно нетерпимо в религиозной сфере. В итоге наблюдается стремление представить в качестве единственно возможной универсальную бездуховную культуру, основанную на понимании свободы падшего человека, не ограничивающего себя ни в чем, как абсолютной ценности и мерила истины. Такое развитие глобализации многими в христианском мире сопоставляется с построением Вавилонской башни.

Положительные плоды глобализации доступны лишь нациям, составляющим меньшую часть человечества, имеющим схожие экономические и политические системы. В то же время народы, составляющие пять шестых населения планеты, оказываются выброшенными на обочину мировой цивилизации. Они попадают в долговую зависимость от финансистов немногих промышленно развитых стран и не могут создать достойные условия существования.

Практика финансовых спекуляций стирает зависимость доходов от затраченного труда, приводит к утрате приоритета труда и человека над капиталом и средствами производства. Поэтому Церковь ставит вопрос о всестороннем контроле за транснациональными корпорациями и за про-

цессами, происходящими в финансовом секторе экономики, с целью подчинения любой предпринимательской и финансовой деятельности интересам человека и народа, через использование всех механизмов, доступных обществу и государству.

Духовной и культурной экспансии, чреватой тотальной унификацией, необходимо противопоставить совместные усилия Церкви, государственных структур, гражданского общества и международных организаций ради утверждения в мире равноправного взаимообразного культурного и информационного обмена, соединенного с защитой самобытности наций и других человеческих сообществ.

Вызов глобализации требует от современного общества адекватного ответа, основанного на заботе о сохранении мирной и достойной жизни для всех людей в сочетании со стремлением к их духовному совершенству. Надо стремиться к мироустройству на началах справедливости и равенства людей перед Богом, исключая подавление их воли национальными или глобальными центрами политического, экономического и информационного влияния.

Современная международно-правовая система основывается на приоритете интересов земной жизни человека и человеческих сообществ перед религиозными ценностями, закрепляя этот принцип в национальном законодательстве многих стран, регламентируя различные формы деятельности органов власти, построение государственной образовательной системы и т.д. Многие влиятельные общественные механизмы используют такой подход в открытом противостоянии вере и Церкви, нацеленном на их вытеснение из социальной жизни. Происходит секуляризация жизни государства и общества.

Уважая мировоззренческий выбор нерелигиозных людей и их право влиять на общественные процессы, Церковь не может одобрять такое устройство миропорядка, при котором в центр всего ставится помраченная грехом человеческая личность. Поэтому, сохраняя открытой возможность сотрудничества с людьми нерелигиозных убеждений, Церковь стремится к утверждению христианских ценностей в процессе принятия важнейших общественных решений на национальном и международном уровне. Она добивается признания легитимности религиозного мировоззрения как основания для общественно значимых деяний (в том числе государственных и международных) и как фактора формирования международного права⁹⁶.

При всей важности принятия «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви», представленный в ней «генеральный подход» к экономике не позволяет разрабатывать модели хозяйствования, «которые не были бы конфликтными в отношении социокультурных констант, о которых так много говорится сегодня в литературе»⁹⁷.

Своеобразной конкретизацией православной социальной доктрины стал «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании», принятый в 2004 г. VIII Всемирным русским народным собором⁹⁸ – авторитетным форумом, который объединяет многочисленные общественные организации в России и за рубежом под эгидой православной церкви, а также представителей других традиционных для нашей страны религиозных общин.

Свод нравственных принципов и правил предлагается для добровольного принятия руководителям предприятий и коммерческих структур, предпринимателям и их сообществам, работникам, профсоюзам и всем другим участникам экономических процессов, в том числе государственным органам и общественным объединениям, вовлеченным в хозяйствование.

Документ описывает идеальную модель хозяйствования, которая не существует сейчас, но к воплощению которой можно и должно стремиться в повседневности. Это эффективная и справедливая экономика, свободная и ответственная личность предпринимателя, защита слабых и обездоленных, уважение к власти, честный труд. Возможно, реальность еще долго не будет соответствовать желаемому. Но нельзя заранее говорить, что цель недостижима, ибо в стремлении к чистой совести и достойной жизни человек с помощью Божией может пройти сколь угодно трудными путями, даже если дело касается такой непростой сферы человеческого бытия, как экономика⁹⁹.

Рабочая группа, занимавшаяся написанием Свода, включала в себя представителей разных политических сил и экономических школ и старалась изначально уйти от узко конфессиональной трактовки текста. Разработчики стремились создать документ, который объяснял бы основные принципы ведения дел в экономике и был бы в равной степени приемлем для людей, исповедующих Православие, и для представителей других религий, а также для людей нерелигиозных.

Учитывался исторический опыт западнохристианской социально-экономической теории, интерпретирующей различные сферы хозяйственной этики. В трудах католических и протестантских ученых, в официальных документах Римско-католической церкви красной нитью проходит мысль о том, что только через установление справедливого порядка распределения плодов труда, через воспитание гражданского общества в духе социальной ответственности возможно возвращение предпринимательского сословия и всего капиталистического общества к основным христианским ценностям любви и жертвенности. Данный подход во многом разделяется Русской православной церковью¹⁰⁰.

Свод стал попыткой определить нравственное измерение экономических процессов. Сформулированные нравственные принципы и правила основываются на десяти заповедях, данных Богом (Исх. 20, 2–17)¹⁰¹, а также на опыте их усвоения

христианством и другими религиями, традиционно исповедуемыми в России. Содержание документа не следует воспринимать как буквальное толкование библейского текста. Скорее, речь идет о положениях, вытекающих из Божиих заповедей в их широком понимании, а также из многовекового религиозно-нравственного наследия, в том числе российского¹⁰².

Исходный пункт Свода призывает, не забывая о хлебе насущном, помнить о духовном смысле жизни, не забывая о личном благе, заботиться о благе ближнего, благе общества и Отчизны. Это обращение по-своему воспроизводит евангельские слова: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим» (Лк. 4, 4). И хотя исторически российская духовно-нравственная традиция по преимуществу склонялась к приоритету духовного над материальным, к идеалу самоотвержения личности ради блага народа, мы должны создавать такой экономический уклад, который поможет гармонично реализовывать как духовные устремления, так и материальные интересы личности и общества¹⁰³.

Изложение второго принципа оказалось содержательно нагруженным и несущим в себе критику протестантского мировоззрения. Утверждается, что богатство – не самоцель, не благословение и не наказание, а испытание и ответственность. Бедность или богатство человека сами по себе не говорят о его нравственности или аморальности. Культ богатства и нравственность в человеке несовместимы. Отношение к богатству как к кумиру неизбежно разрушает экономическую и правовую культуру, порождает несправедливость в распределении плодов труда, социальную «войну всех против всех».

Богатство, собственность рассматриваются не только как средство извлечения выгоды, но и как средство созидания достойной жизни человека и народа. Собственность дает максимальную отдачу именно тогда, когда она употребляется эффективно, а плоды ее использования распределяются справедливо и ответственно, «вкладываются» в социальную стабильность.

Благосостояние добросовестных предпринимателей и тружеников должно соответствовать их трудовому вкладу, быть следствием создания, рачительного использования и приумножения ими общественно полезных благ. Уровень потребления и стандарты качества жизни должны быть разумными и умеренными, учитывать состояние окружающей среды.

Особо оговариваются приоритеты предпринимательской деятельности с позиций трудовой этики. Дело – настоящее, захватывающее целиком, – вот богатство предпринимателя. Деньги – лишь средство для достижения поставленной цели. Отсутствие культа денег раскрепощает человека, делает его внутренне свободным.

Третий пункт Свода утверждает, что культура деловых отношений, верность данному слову

помогает стать лучше и человеку, и экономике. Отношения должны строиться на уважении прав и законных интересов их участников. Ответственность за свои действия обязаны чувствовать и работники, и работодатели, в том числе государство. Недопустимо на рабочем месте и в деловых отношениях проявление различных людских пороков. Деловая репутация – долгосрочный актив, поэтому главный лозунг российского предпринимательского сословия: «Прибыль превыше всего, но честь превыше прибыли». Сюда же можно было бы добавить поговорку, подтверждающую силу и значимость слова: «Уговор дороже денег».

Важнейшая мысль, зафиксированная в четвертом пункте, фактически «расшифровывает» соответствующую божественную заповедь о седьмом дне недели. Человек – не «постоянно работающий механизм». Ему нужно время для отдыха, духовной жизни, творческого развития.

Духом пятой заповеди о почитании старшего поколения проникнут аналогичный пункт нравственных принципов хозяйствования, который призывает государство, общество, бизнес вместе заботиться о достойной жизни тружеников, а тем более о тех, кто не может заработать себе на хлеб. Национальное хозяйство саморазрушается без эффективных мер социальной защиты.

Степень благосостояния общества напрямую зависит от его отношения к нетрудоспособным и старикам. Выделение части доходов на помощь пожилым и больным людям, инвалидам и обездоленным детям должно быть нормой для любого рентабельного предприятия, а также для любого состоятельного работающего человека, в том числе наемного работника.

В соответствии с шестой заповедью работа не должна убивать и калечить человека. Создание достойных условий труда не ограничивается соблюдением техники безопасности на производстве, но также предполагает выплату заработной платы, гарантирующей безбедное существование наемного работника и его семьи. Вполне обоснованным, с христианской точки зрения, выглядит суждение о том, что бережное отношение работодателя к труду, здоровью и жизни ближнего несет благо и для него самого, и для работников.

Отдельным принципом выделены соображения о необходимости разделения политической и экономической властей. Участие бизнеса в политике, его воздействие на общественное мнение может быть только законным и открытым. Недопустимо нелегитимное вовлечение органов государственной власти в конкурентную борьбу и в разрешение хозяйственных споров. В экономике нет места коррупционерам и другим преступникам.

Российская специфика присутствует в интерпретации божественного наидания «не укради», в понимании многообразных отношений, связанных с имуществом и доходами хозяйствующих субъ-

ектов. Человек преступает нравственный закон, вредит обществу и себе, когда присваивает чужое имущество, пренебрегает имуществом общим, не воздает работнику за труд, обманывает партнера. Привычка с легкостью воровать у государства, соседа или коллектива, портить их собственность – должна быть осуждена и изгнана из нашей жизни.

Нравственному осуждению подлежат различные виды хищений и обкрадывания: несправедливое распределение плодов труда среди партнеров и работников, невосполнимый экологический ущерб, неуплата налогов, сокрытие доходов, незаконный уход капиталов за рубеж, задержки выплаты и занижение заработной платы трудящихся, обременительные государственные налоги.

Девятое правило провозглашает, что в конкурентной борьбе нельзя употреблять ложь и оскорбления, эксплуатировать порок и инстинкты. Конкуренция – один из двигателей экономики, поскольку монополизм равнозначен консервации и отсталости. Конкуренция является достойной и нравственно оправданной, если не разрушает деловые отношения, служит интересам общества, ставит его членов в равные условия, предоставляет им право выбора.

Заключительный пункт Свода во многом повторяет положения раздела о собственности «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви». Увещевание людей в том, что нужно уважать институт собственности, право владеть и распоряжаться имуществом, что безнравственно завидовать благополучию ближнего, посягать на его собственность, полностью согласуется с десятой заповедью, данной Богом.

Высота помыслов видна в резюмирующей части документа, где записано, что состояние экономики напрямую зависит от духовного, нравственного состояния личности. Лишь человек с добрым сердцем и светлым умом, духовно зрелый, трудолюбивый и ответственный, – сможет обеспечить себя, принося пользу своим ближним и своему народу. Пусть так будет в России, вступившей в XXI век¹⁰⁴.

Свой вклад в устройство нашей социально-экономической жизни внесло соборное слово XII Всемирного Русского Народного Собора «Положение наследников», принятое в феврале 2008 г.¹⁰⁵

Даже если наша система высшего образования объективно не готова к включению в учебные планы богословских курсов, то корпус перечисленных документов, разработанных при непосредственном участии Русской православной церкви, должен быть представлен в дисциплинах социально-гуманитарного цикла.

Возвращение духовно-нравственных ценностей в экономику и экономическую науку имеет свое теоретико-методологическое обоснование, заставляющее изменить нынешнюю, перевернутую иерархию приоритетов, в которых господствуют материально-денежные выгоды и производственно-технологическая целесообразность.

О фундаментальности различных ценностей можно судить по исторической длительности их существования. В экономической науке им соответствуют периодические циклы, разной временной протяженности. Наиболее прибыльные торгово-спекулятивные сделки и получение денежной маржи на бирже «проворачиваются» в течение одного дня. Процесс использования потребительских благ и важнейших средств производства редко выходит за границы одного–двух десятилетий. Отраслевая структура экономики, модели хозяйствования и соответствующие им идеологии меняются каждые 40–60 лет.

Когда речь идет о географическом положении, природно-климатических условиях, экологии, счет идет на века. Но самыми фундаментальными ценностями оказываются язык, культура, религия, формирующие общество и экономику в нашей стране уже более тысячелетия. Поэтому накопление капитала, развитие производства и потребления должны быть подчинены экологическим и духовно-нравственным императивам.

Единство духовно-нравственных и социально-экономических процессов – не умоуловительная схема, а добротная, рабочая научная гипотеза, объясняющая логику истории. Так, хронологические рамки (историческое место) директивно-плановой экономики СССР точно очерчиваются изменением отношения государства к Церкви. Синодальный период руководства Русской православной церкви совпадает по времени с завершением преобразований социально-экономических отношений крепостной зависимости в условиях монархической формы правления.

Постановка вопроса о формировании российской модели экономики – шаг к ее решению. Надо продолжать обсуждение поставленных проблем, не забывая, что «вначале было Слово» (Ин. 1, 1).

Примечания

- 1 Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 519.
- 2 Высказывание пустынного аввы Диокла (см.: Палладий, епископ Еленопольский. Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцов. М., 2003. С. 268).
- 3 Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 56.
- 4 Там же. С. 67, 106.
- 5 Там же. С. 90.
- 6 Там же. С. 85.
- 7 Там же. С. 106.
- 8 Там же. С. 208.
- 9 Там же. С. 266.
- 10 Там же. С. 106.
- 11 «Конstellация» в лексиконе астрологов означает взаимное расположение планет, предсказывающих судьбу.
- 12 Вебер М. Указ. соч. С. 44.
- 13 Там же. С. 46.

- ¹⁴ Вебер М. Указ. соч. С. 47.
¹⁵ Там же. С. 651.
¹⁶ Там же. С. 701.
¹⁷ Там же. С. 599, 648, 660.
¹⁸ Там же. С. 657.
¹⁹ Там же. С. 48.
²⁰ Там же. С. 51.
²¹ Там же. С. 53.
²² Там же. С. 55.
²³ Там же. С. 95–96.
²⁴ Там же. С. 75.
²⁵ Там же. С. 90.
²⁶ Там же. С. 183.
²⁷ Там же. С. 139.
²⁸ Там же. С. 167.
²⁹ Там же. С. 142.
³⁰ Там же. С. 157.
³¹ Там же. С. 142–143, 144.
³² Там же. С. 146.
³³ Там же. С. 147, 171.
³⁴ Там же. С. 69.
³⁵ Там же. С. 184.
³⁶ См.: Смит А. Указ. соч. С. 566.
³⁷ Там же. С. 575–577.
³⁸ См.: Вебер М. Указ. соч. С. 187.
³⁹ Там же. С. 202–203.
⁴⁰ Там же. С. 203–204.
⁴¹ Там же. С. 191.
⁴² Там же. С. 202.
⁴³ Там же. С. 197, 198, 199.
⁴⁴ Там же. С. 200.
⁴⁵ Там же. С. 189.
⁴⁶ Там же. С. 247.
⁴⁷ См.: Смит А. Указ. соч. С. 27.
⁴⁸ Там же. С. 33.
⁴⁹ Там же. С. 446.
⁵⁰ Вебер М. Указ. соч. С. 205.
⁵¹ Там же. С. 190.
⁵² См.: Смит А. Указ. соч. С. 301.
⁵³ Там же. С. 28.
⁵⁴ См.: Вебер М. Указ. соч. С. 98.
⁵⁵ Смит А. Указ. соч. С. 322.
⁵⁶ Там же. С. 249.
⁵⁷ Там же. С. 251.
⁵⁸ Там же. С. 249.
⁵⁹ Там же. С. 248.
⁶⁰ Вебер М. Указ. соч. С. 204.
⁶¹ Там же. С. 271.
⁶² Смит А. Указ. соч. С. 431.
⁶³ Там же. С. 442–443.
⁶⁴ Там же. С. 445.
⁶⁵ Витте С.Ю. Национальная экономия и Фридрих Лист // Вопр. экономики. 1992. № 3. С. 139.
⁶⁶ Там же. С. 143.
⁶⁷ Там же. С. 144.
⁶⁸ См.: Симонов В.В. (игумен Филипп). Церковь – общество – хозяйство. М., 2005. С. 342.
⁶⁹ Там же. С. 324.
⁷⁰ Там же. С. 326.
⁷¹ Там же. С. 327–328.
⁷² Там же. С. 328–329.
⁷³ Там же. С. 331–332.
⁷⁴ Там же. С. 332–334.
⁷⁵ Там же. С. 337.
⁷⁶ Там же. С. 341.
⁷⁷ Там же. С. 345.
⁷⁸ См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3 т. Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 400.
⁷⁹ Там же. С. 586.
⁸⁰ Там же. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 641.
⁸¹ Там же. Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 578.
⁸² Там же. С. 579.
⁸³ Вебер М. Указ. соч. С. 201–202.
⁸⁴ Там же. С. 79.
⁸⁵ Там же. С. 50.
⁸⁶ Там же. С. 279.
⁸⁷ Там же. С. 206, 207.
⁸⁸ См.: Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С. 362.
⁸⁹ <http://www.mospat.ru/index.php?mid=463>
⁹⁰ <http://www.mospat.ru/index.php?mid=90>
⁹¹ Симонов В.В. (игумен Филипп) Указ. соч. С. 444, 455.
⁹² Там же. С. 13–14.
⁹³ <http://www.mospat.ru/index.php?mid=90>
⁹⁴ Там же.
⁹⁵ Там же.
⁹⁶ Там же.
⁹⁷ Симонов В.В. (игумен Филипп) Указ. соч. М., 2005. С. 445.
⁹⁸ http://www.vms.ru/docs/detail.php?mid=247&binn_rubrik_pl_news=163
⁹⁹ Там же.
¹⁰⁰ <http://www.mospat.ru/index.php?page=25722>
¹⁰¹ Заповеди, данные Богом:
1. Я Господь, Бог твой. Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим.
2. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой.
3. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно.
4. Помни день субботный, чтобы святить его. Шесть дней работай, и делай всякие дела твои; а день седьмой – суббота Господу Богу твоему.
5. Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле.
6. Не убивай.
7. Не прелюбодействуй.
8. Не кради.
9. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

10. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего.

¹⁰² http://www.vrns.ru/docs/detail.php?nid=247&binn_rubrik_pl_news=163

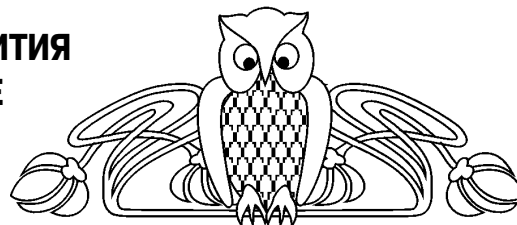
¹⁰³ http://www.vrns.ru/docs/detail.php?nid=247&binn_rubrik_pl_news=163

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ http://www.vrns.ru/docs/detail.php?nid=501&binn_rubrik_pl_news=163

УДК 330.34.01

ИНДИКАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ, УСТОЙЧИВОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ

А.В. Плякин, Е.А. Орехова*

Южный научный центр РАН (г. Ростов-на-Дону),
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
E-mail: alexander.plyakin@gmail.com
*Саратовский государственный университет
E-mail: eorekhova@mail.ru

В статье обсуждаются теоретические и методологические вопросы формирования системы мониторинга и корректировки пространственной неоднородности развития национального хозяйства. На основе новой системы координат развития национального хозяйства предлагается система индикаторов его конкурентоспособности, устойчивости и экономической безопасности. Факторный подход к анализу конкурентоспособности, устойчивости и безопасности развития национального хозяйства позволил обосновать систему исходных и базовых расчётных статистических показателей, а также разработать новую систему относительных показателей КУБ-развития национального хозяйства.

Ключевые слова: национальное хозяйство, экономическое развитие, индикаторы развития, конкурентоспособность, устойчивое развитие, экономическая безопасность, мониторинг, геоинформационная система.

The National Economy Spatial Development Indication in the Coordinates System of Competitiveness, Sustainability and Security

A.V. Plyakin, E.A. Orekhova

Theoretical and methodological questions of creating the system of monitoring and updating the spatial heterogeneity of the national economy development are discussed in this article. The competitiveness indicator, sustainability and economic safety system is suggested on the basis of a new coordinates system for the national economy development. The factor approach in the analysis of the national economy development competitiveness, sustainability and security helped explain the system of initial and basic statistical characteristic; it also helped work out a new system of relative characteristics for the national economy development competitiveness, sustainability and security.

Key words: national economy, economic development, development indicators, national economy competitiveness, development sustainability, economic security, monitoring, geoinformational system.

Актуализация проблем модернизации национального хозяйства и обеспечения устойчивого экономического роста в России обусловили необходимость совершенствования научно-методологических подходов к решению задач корректировки траектории её экономического развития, связанных, в частности, с осуществлением мониторинга, внедрением новых интегральных показателей и современных информационных технологий в практику управления пространственным развитием национального хозяйства. Первоочередными задачами исследований в этом направлении являются совершенствование технологии измерения асимметрии экономического развития регионов страны, создание системы оперативного мониторинга межрегиональных диспропорций, генерирование прогнозных оценок снижения межрегиональных различий.

Методологические подходы к решению указанных задач могут быть реализованы на основе достижений в эволюционной экономике и теории факторов производства, стратегическом проектировании регионального развития, теории национального хозяйства, теории управления конкурентоспособностью региона. Большое значение имеют также достижения в развитии методологии оценки неоднородности экономического пространства России, совершенствовании методов анализа рисков развития региональных и макрорегиональных хозяйственных систем, использовании геоинформационных технологий (ГИС) в региональном управлении и др.

В процессе формирования системы мониторинга пространственного развития национального хозяйства важно учесть то обстоятельство, что дифференциация уровней экономического развития регионов в любом государстве – явление закономерное, в связи с чем не все территориальные различия следует рассматривать как излишние и негативные, а «определённая пространственная дифференциация социально-экономических показателей должна приветствоваться, поскольку служит основой межрегиональной кооперации и интеграции»¹. Наряду с этим существенную диф-